

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ГОРОДА: РОЛЬ СРЕДСТВ КОММУНИКАЦИИ В ПОВСЕДНЕВНОСТИ ДАУНШИФТЕРОВ

Макшанчикова Алена Юрьевна (amakshanchikova@hse.ru)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия

Цитирование: Макшанчикова А.Ю. (2020) За пределами города: роль средств коммуникации в повседневности дауншифтеров. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 23(5): 155–177. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.5.6>

Аннотация. Статья посвящена дауншифтингу в среде современной российской интеллигенции как виду пространственной мобильности, связанной с выходом из городов и общим трендом дезурбанизации. Автор рассматривает миграцию представителей научной и творческой интеллигенции из города во внегородское пространство, формат и характер мобильных инфокоммуникаций в повседневных практиках переселенцев. Возникновение и развитие полей интернет-общения существенно упрощает перемещение на большие расстояния (внутри страны, в соседние страны, на другие континенты). Одна из разновидностей этой мобильности связана с переселением во внегородские пространства и замедлением темпа жизни — *дауншифтингом*, сопровождающимся принципиальным упрощением потребительских запросов и в целом изменением темпа и образа жизни. Одновременно жизнь дауншифтеров становится тесно связанной с удаленной работой, превращающейся в первостепенную потребность для поддержания экономического источника существования. Постоянно возрастает количество профессий и специальностей, позволяющих работать онлайн. Исследуется отношение дауншифтеров к современным инфокоммуникациям в контексте жизни вне городской среды и предлагается типология роли современных средств коммуникации в повседневных практиках дауншифтеров. Опорным эмпирическим материалом стали результаты экспедиций по программе РОО «Сообщество профессиональных социологов» в Мантуровский район Костромской области (2015–2017), в рамках которых было проведено 37 глубинных интервью с жителями малых поселений Мантуровского района Костромской области, а также 10 глубинных интервью с информантами, проживающими в малых поселениях других регионов России. В историко-антропологическом аспекте темы выделяется процесс «производства» новых локальностей (А. Аппадурай) — переноса смыслов городской жизни во внегородское пространство и возникновение нового внегородского жизненного мира.

Ключевые слова: дезурбанизация, мобильные технологии, дауншифтинг, социальная трансформация, производство локальностей.

В процессе перехода от индустриального к постиндустриальному обществу, коммуникационные, транспортные и другие технологии, в частности интернет, все более интенсивно проникают в жизнь современного человека, определяя различные процессы, в частности процесс дезурбанизации. *Дезурбанизация* — переселение людей из городов на удаленные расстояния и возникновение достаточно постоянных внегородских анклавов городских жителей, демонстрирующих новые стили жизни, наборы ценностных ориентаций и трудовых практик. Привычной становится работа в удаленном режиме, фриланс, жизнь в транзите на «два дома» (городской и сельский), жизнь вне города. Город теряет свою притягательность и перестает быть неким универсумом, замыкающим реальное и ментальное пространство современного человека. Возникает и распространяется концепт «жизнь после города» (life after the city) (Pokrovsky, Guseva 2012).

В России XXI в. развиваются, сосуществуют и подчас конфликтуют два взаимосвязанных процесса: с одной стороны, продолжающаяся интенсивная урбанизация, приводящая к депопуляции в сельской местности, деградации сел и малых городов, и, с другой — выход коренных горожан за пределы города, причем дезурбанизация заявляет о себе все более явственно. Среди ключевых предпосылок к изменению восприятия городского пространства — чрезмерная плотность населения крупных городов, сокращение личного пространства человека, проблема транспортных коллапсов, ухудшение экологической ситуации и повышение опасности массового распространения вирусных заболеваний. На наших глазах происходит своеобразный социогеографический и демографический «обмен» групп населения. Жители сельских поселений и малых городов стремятся покинуть свою малую родину и укрепиться в городах, дабы повысить свой социальный статус и обрести более высокое качество жизни. Одновременно определенные группы коренного городского населения (прежде всего представители интеллектуальных профессий из среды среднего класса, достаточно хорошо обеспеченные военные пенсионеры, молодые специалисты и др.), напротив, пополняют ряды дауншифтеров и образуют поселенческие анклавы на значительном расстоянии от мегаполисов.

На сегодняшний день процессы продолжающейся урбанизации и начинающейся возвратной дезурбанизации не равновелики: отток населения из сельской местности по-прежнему преобладает. Однако и возвратный процесс набирает силу и приобретает свои демографические и социологические очертания.

Город и его исторические перспективы

Еще М. Вебер (Вебер 2001) рассматривал город как средоточие индустриальной жизни, видя в нем причину и катализатор разделения труда. Позднее представители Чикагской школы (Р. Парк, Э. Берджесс, У. Томас, Ф. Знанецкий и др.) указывали на параллелизм исторического развития общества и модернизации городов. При этом драйвером изменений становятся, согласно «чикагцам», именно города. Для социологов этой школы город был воплощением цивилизационного развития и своего рода универсумом, определяющим будущее человечества. Это, однако, не отменяло трезвый и критический взгляд «чикагцев» на противоречия города. Например, Роберт Парк, заложивший основы социологии города, провел ряд важнейших исследований в Чикаго и показал, что ситуация ограниченных городских ресурсов, наряду с ростом населения, приводит к ситуации нехватки ресурсов и возникновению социальных конфликтов (Парк 1925). Но при всем том противоречивость и конфликтность города, по мнению «чикагцев», носят переходный характер, тогда как универсальность города соответствует общему «биотическому» принципу баланса общества и окружающей среды.

Урбанистический абсолютизм, не придающий значения сельским территориям между тем имел и имеет своих критиков. Например, классик социологии Г. Зиммель проводил демаркацию «город — село», используя понятие стиля жизни. Он отмечал «повышенную нервность жизни» человека в метрополисе и объяснял это состояние быстрой и непрерывной сменой внешних и внутренних впечатлений (Зиммель 2002). Ф. Тённис писал о противопоставлении двух типов организации общества: общинный тип *Gemeinschaft* и современный тип, характерный для капиталистического города, — *Gesellschaft*, при котором преобладание получают формальные отношения (Тённис 2002).

Отметим, что современная концепция «глобального города» известного и весьма популярного американского социолога С. Сассен (Sassen 2001) также делает акцент на сосредоточении основных экономических, транспортных и коммуникационных ресурсов в крупных городах. И хотя, согласно С. Сассен, глобальные города ассоциируются с «городским» образом жизни (напряженным траффиком, суетой, психологическим прессингом и т.д.), по-прежнему город как глобальный феномен остается безальтернативным.

В ответ на утверждение безальтернативности города современные теоретики дезурбанизации предлагают иную цепочку теоретических рассуждений. Отказ от постоянного пребывания в крупном городе и перенос

миграции на «малые территории» отнюдь не означают в обязательном порядке отказа от достижений современной цивилизации (прежде всего инфокоммуникаций). Согласно этой логике, упрощение и замедление темпов жизни во внегородских анклавах отнюдь не обязательно влечет за собой непреложную примитивизацию и архаизацию жизни. Ряд современных исследователей определяют дезурбанизацию как исходящую миграцию («контрурбанизацию») и своего рода развитие «города вне города» (Berry 1976; Champion 1992; Mitchell 2004), т.е. сохранение достижений городской цивилизации в ее новой внегородской ипостаси. Дезурбанизационные анклавы становятся не отрицанием города как такового, а его эволюционным продолжением и развитием в иных, более благоприятных социальных и экологических условиях. В концепции «клеточной глобализации» Н. Покровского описывается проникновение глобальных процессов во все сферы («клетки») общества, в том числе в ходе трансформации и города, и сельских поселений. Этот процесс идет по различным моделям и в различном темпе, но по единому вектору (Покровский 2014).

В исследованиях современного города объектом критики оказывается прежде всего общество потребления и спровоцированный им консьюмеризм, а именно культ избыточного потребления, не продиктованный реальными нуждами людей. Избыточность, чрезмерность, неоправданное ничем разнообразие возможностей, роскошь ради роскоши и демонстративного потребления — вот то, что в итоге становится бременем, а отнюдь не благом. В работе «Добровольная простота» Д. Элджин (Elgin 1981) говорит о культуре осознанного разумного потребления без вреда для окружающей среды. О.Н. Гурова и А.Н. Толкачева обозначают этическое потребление, которое предполагает «потребление органических продуктов», продуктов справедливой торговли и т.д. (Гурова, Толкачева 2014). «Добровольную простоту», *voluntary simplicity* по известному принципу Генри Торо «Simplify, simplify, simplify» (Thoreau 1854), как правило, связывают со сменой места работы в городе на менее престижное во внегородской среде, частичный или полный отказ от современных технологических достижений, перенос быта в менее оснащенное с технологической точки зрения пространство, миграция в сельскую местность и пр. Таков концепт «строгого» дауншифтинга, что не отрицает существования его в более мягких и переходных формах.

Настоящее исследование сфокусировано на роли современных средств коммуникации в практиках повседневности дауншифтеров, исследование которых основано на предложенном Маршаллом Маклюэном методологическом концепте «глобальной деревни» (Маклюэн 2003). Средство

коммуникации само по себе оказывает существенное воздействие на человека и общество, приводя к возникновению однородной, горизонтальной, «плоской» сетевой «деревни», ибо в коммуникациях все оказываются более или менее в равном статусе (Маклюэн 2003). В центре внимания находится отношение переселенцев к используемым за пределами города средствам коммуникации, разделенных Маклюэном на «горячие» и «холодные». «Горячие» средства характеризуются низкой степенью участия аудитории, а «холодные» — высокой степенью ее участия и креативным достраиванием контента до высокой степени завершенности. В практиках преобразования горожанами новой для них среды и активизации «холодных» средств коммуникации формируется феномен информационного дауншифтинга, заставляющего индивида не только сознательно отказываться от жизни в городе, но и минимизировать использование современных средств связи, заполняя лакуны коммуникации индивидуальным «ментальным трудом». Эта стратегия определяется нами как переход от информационного прессинга города к дезурбанизационной избирательности в использовании «холодных» коммуникаций.

Мобильность в форме дауншифтинга, с одной стороны, становится катализатором трансформации идентичности, с другой, — ставит перед индивидом задачу выработать механизмы адаптации к новым социокультурным условиям с учетом своего предыдущего опыта в целях создания мостика преемственности и мягкого перехода. В ходе инкорпорирования во внегородскую среду происходит корректировка образа жизни человека, меняется представление о границах между селом и городом. Дезурбанизация приобретает не только пространственно-географические черты, но и феноменологические, т.е. трансформирующие сознание дауншифтера. Сознательный отказ от города создает предпосылки для возникновения иной рефлексивной реальности и иной ценностной картины мира, что характерно для представителей всех групп дауншифтеров. Практики повседневности «отказников от города» включают в себя будничные практики приватной жизни индивидов, жизненный опыт и образ жизни, связанные, в первую очередь, с бытом, семьей, досугом, а также «доместикацией» сельского жилища (Покровский, Николаева, Демидова 2019). Особую роль здесь играют средства коммуникации, сотовая связь, интернет, спутниковое телевидение.

Дезурбанизация и социальный аспект труда

В работах классиков социологии город и село традиционно рассматривались как противоположные друг другу социальные структуры. Однако феномен миграции горожан во внегородские пространства меняет пред-

ставление о границах между селом и городом. «Село» из зоны социального бедствия и депрессии превращается в принципиально иную среду обитания, обладающую значительно более благоприятными, нежели в городе, условиями жизни: экологичностью, психологическим спокойствием. В классической социологической, экономической и социогеографической литературе малые поселения рассматриваются, как правило, под углом зрения экономики и демографии. Однако теперь такие поселения — это не только сельскохозяйственные «единицы» со своим экономическим укладом и структурами повседневности, но и особая среда, в которую начинают стремиться жители мегаполисов. Концепция дауншифтинга обретает разнообразные смыслы, среди которых доминирует полный отказ от форматов, предлагаемых и навязываемых городом, участие в жизни малых поселений, частые практики коллективной самоорганизации во внегородском пространстве (Покровский, Нефедова, Трейвиш 2016). Иногда этот отказ носит показной характер, граничащий с остракизмом, в других случаях отказ носит глубокий и смысловой характер.

Российская научная и творческая интеллигенция как особая социальная группа с присущими ей повышенной рефлексивностью (самосознанием), социальной структурой и иерархиями, практиками, смыслами и идентичностями находится в фокусе внимания множества как классических авторов, так и современных исследователей (Попов 2016). Среди основных черт дауншифтеров-интеллигентов мы выделяем новую систему рациональности, при которой особую роль начинает играть баланс физического и психологического состояния, общая пластичность и гибкость адаптации к жизни в новой внегородской среде, изменение восприятия географического пространства и корректировка использования средств информационных технологий. Джио Оуи в работе «Пять трендов, которые значительно меняют работу и рабочее пространство» утверждает, что существенная часть современников уже «на стороне» нетрадиционных форматов работы и рабочих мест, среди которых «спутниковые» офисы, а также удаленная работа из дома (Оуе 2011). Бергер и Лукман также отмечали, что интеллектual может свободно организовывать свою деятельность, поддерживать свои концепции, которые отвергаются обществом в целом, путем удаления в собственное «подобщество» (Berger, Luckmann 1966). В свое время Роберт Мертон в классическом труде «Социальная теория и социальная структура» (1948) описал ретритизм (бегство) в качестве реакции индивидов на прессинг со стороны общественных институтов.

Работа по-прежнему во многом связывает и организует людей общей рациональной целью деятельности, в том числе территориально-про-

странственно по принципу «рабочего места», «офиса» и т.д. Однако налицо существенные корректировки этих понятий. Например, широкое распространение получил «удаленный офис», игнорирующий физические координаты места пребывания работника. Широкое распространение мобильных устройств с функциями универсальных коммуникаторов вообще позволяют включаться в рабочую коммуникацию в любой точке пространства, покрываемой сетями сотовых операторов. К этому следует добавить, что прогресс технологий, сплошная коммуникационная доступность привели к возникновению и распространению концепции жизни ради себя и отказа от жизни ради карьеры (Elgin 1981). Все отмеченные выше аспекты современной жизни тесно взаимосвязаны, и дезурбанизационный дауншифтинг не только им соответствует, но и во многих случаях оказывается альфой и омегой нового стиля жизни и новой формой общественного сознания.

Намечающееся, происходящее на наших глазах и уже отчасти произошедшее изменение картины социального мира проецируется и на пространственно-миграционные процессы. Уже у Т. Парсонса можно найти обоснование трансформации трудовых ориентаций профессионалов: для объяснения проблемы их жизненного выбора он использовал экономическую парадигму «рационального преследования собственных интересов» (Парсонс 1998). Согласно Парсонсу, специалист стремится к удовлетворению своих потребностей в реализации таланта в своей сфере (например, участие в профессиональных форумах). При этом современный мир и его техническое обеспечение позволяют профессионалу преследовать собственные интересы одновременно в ряде сфер, тесно увязывая эти сферы друг с другом и стремясь обрести синкретичность личностного поля. Это ведет, в свою очередь, к тому, что самореализация профессионала вполне допускает обеспечение его собственного комфортного существования, в том числе вне мегаполисов по принципу «мне так удобнее». Признание или непризнание такого поступка в общественном мнении отступает на задний план по сравнению с чувством самодостаточности и самоудовлетворенности. А в тех случаях, когда ретритисты — беглецы из городов объединяются в удаленные анклав, вопрос об общественном мнении и признании вообще снимается с повестки дня.

Формирование новой зоны комфорта. Завоевания пространства и производство места

Согласно Джону Урри, «идентичность человека стала выстраиваться через долгосрочные соединения с другими местами» (Урри 2012). «Я» — это не только места, где я жил, но и места, которые я посетил, и те, кото-

рые я создаю для себя. Конструирование идентичности представляет собой процесс удовлетворения одной из базовых потребностей человека — потребности в принадлежности к группе или сообществу через формирование своего «Я». Однако возрастающая пространственная и виртуальная мобильность делает возможной корректировку потребности в возвращении к физически и географически определенным местам «памяти о моем прошлом», что соответствует принципу экстерриториальности. Новое место способствует пересборке индивидуального «Я» в новой системе координат и возникновению новой идентичности. Главной идеей Урри была теория всеобщей мобильности, согласно которой мир вошел в состояние постоянного движения и перетекания населения, тем не менее выдающийся английский социолог отмечал и наличие «точек возврата» и «точек укоренения». Такова сложная созданная им циклическая картина социального движения с чередованием перемещений и наступающей «успокоенности» в определенном месте.

Понятие «габитус» также приближает нас к пониманию индивидуальных и коллективных практик дауншифтинга (Бурдье 2002). Габитус обеспечивает активное присутствие прошлого опыта, который, существуя в каждом организме через прошлое, проникает в настоящее и стремится продолжаться в будущем, актуализируется в практиках, структурированных в соответствии с его принципами. Переезд из города влечет за собой приспособление габитуса («инкорпорированных способностей») и формирование новых диспозиций. Одним из ключевых преимуществ организации удаленной работы во внегородском пространстве является наличие большего свободного времени, нежели в городской среде. Отсутствие современной городской инфраструктуры формирует свободу для самоорганизации местных сообществ и позволяет индивиду формировать новые досуговые практики.

Происходит переход к длительным проектам внегородской жизни в противовес «короткой дистанции» социальных практик, пронизывающих все уровни социальной структуры, в том числе семейные проекты, профессиональную самореализацию и т.д. (Покровский 2003). Поэтому замедление темпа жизненного процесса одновременно обозначает и растягивание проекта во времени. Говоря проще, обосноваться и обжиться в деревне не на несколько недель, а с привязкой к месту, завести «хозяйство» хотя бы в минимальных масштабах требует длительного вложения сил. Возникающий внегородской формат быта зачастую связан и с экономическими аспектами (например, потребление продуктов собственного производства снижает часть издержек на покупку овощей, ягод, зелени и пр.), психологическими — возможность видеть собственное «Я» вне

городской суеты и правил. В связи с этим канадский социальный географ и социолог Клер Митчелл предлагает классификацию, представляющую для нас особый исследовательский интерес:

— псевдодезурбанизация («конурбанизация») предполагает переезд индивида в близкую к городу сельскую местность, при этом связь с городской средой и многие из ее проблем сохраняются;

— вынужденная дезурбанизация — следствие «выталкивания» горожан из городской среды по экономическим причинам, среди которых высокий уровень расходов в городе, проблемы обеспечения безопасности, риски для здоровья и др.;

— дауншифтинг (от англ. down shift — переключение автомобиля на пониженную передачу) — максимально глубокий разрыв с городом, стремление сформировать отличный от городского формат жизни (Mitchell, Bunting, Piccioni 2004).

В типологии городских переселенцев, среди которых «городские беглецы» («выталкивающие» мотивы) и «горожане в поисках качественной жизни» (притягивающие факторы), отражается «феномен обратной» миграции в современной России (Звягинцев, Неуважаева 2015). Причем представители обоих типов мигрантов осознанно отказываются от городской жизни. Исходно на это указывала и Клер Митчелл. Одна из главных транслируемых трудностей переезда дауншифтеров — одновременно выход из зоны бытового комфорта и необходимость в создании новой более подходящей и комфортной для проживания среды. Зачастую, уезжая из города, индивиды лишаются возможности пользоваться водопроводом, газопроводом и даже электричеством, поскольку новое место жительства отрезано от города или находится в глубинке. К этому следует добавить отсутствие качественной, а иногда и любой медицинской помощи и школьных учреждений.

«Бегство» может быть связано и с информационной колонизацией приватного пространства. Индивид, проживающий в мегаполисе, находится в состоянии систематического насыщения информацией, социальными связями, контактами, вследствие чего происходит «колонизация» первоначально приватных сфер жизненного мира. Частная жизнь пронизывается различными видами внешнего мониторинга и контроля, насыщается принудительным контентом по каналам СМИ. В режиме дауншифтинга индивиды устанавливают некую власть над пространством (создавая новую систему локальностей), получают возможность обозначать и поддерживать физическую дистанцию от вещей и людей, ограничивающих их пространство деятельности, а также создавать новый индивидуальный формат жизни, контролируя через сознательное ограничение визуальную, аудиаль-

ную информацию, которая в силу социальной маркированности и негативной оценки неизбежно воспринимается как вмешательство.

Исследовательское поле

Цель нашего качественного исследования — выявить роль современных средств коммуникации в повседневности жителей малых поселений, покинувших большой город. Для получения опорного эмпирического материала мы участвовали в многолетней междисциплинарной экспедиции «Сельские сообщества и пространства Ближнего Севера России» в Мантуровский район Костромской области в 2015–2019 гг. Деятельность участников экспедиции была сфокусирована на изучении перспектив комплексного социально-экономического и социоэкологического развития сельских сообществ Ближнего Севера России, а также феномена дезурбанизации в современной России. Основным ограничением исследования являлся фокус на одном регионе при описании обширного и вариативно-го пространства Ближнего Севера.

На последнем этапе экспедиции нами было проведено 37 глубинных интервью с жителями малых поселений Мантуровского района Костромской области (деревни Палома, Шилово, Угоры, Копцево, Дмитриево, Леонтьево и др.). Информантами стали представители научной и творческой интеллигенции, женщины и мужчины в возрасте от 25 до 48 лет, отбор информантов проводился во всех поселениях по доступности. Интервьюирование местных жителей проводилось парами участников исследовательской команды.

Также мы провели 10 глубинных интервью с жителями малых поселений, располагающихся в значительном удалении от города (Калужская область). Среди информантов были представители родового поселения, т.е. близко расположенных родовых поместий, владельцы которых имеют родственные связи, совместно обустраивают быт и формируют общи досуговые практики.

Отметим, что основания для переезда у информантов были разные, в большинстве случаев к новому образу жизни приводил негативный опыт в городской среде (трудности с работой, жилищные проблемы, экология, безопасность и пр.). В широком смысле все случаи информантов можно охарактеризовать как дауншифтинг.

В процессе анализа проведенных интервью мы провели их кодирование, пользуясь стратегией обоснованной теории (Страусс, Корбин 2001), и выделили следующие категории кодов:

— принадлежность к городу или деревне (стремление к «земле», предыдущий опыт, «жизнь на воле»);

- способ заработка (финансовая сторона переезда, дороговизна жизни в городе, работа удаленно, не видят предмета труда);
- использование средств коммуникации (проникновение технологий в жизнь, потребность в транспорте, интернет как средство общения);
- определение границ пространства в городе и деревне (отчуждение от природы в городе, вольные прогулки в деревне, «пенэр», воля, свобода);
- взаимодействие людей в процессе труда или работы (оценка психологического климата, общение с людьми по всему миру, время, проводимое с семьей);
- опасность и свобода (опасности жизни в городе, агрессивная, «кислотная» среда, опасность для детей, свобода вне города, много пространства, «атмосферность»).

Всего было разработано 69 кодов, которые мы объединили в следующие группы: внешняя среда, внутренняя среда, человеческие отношения, субъективная оценка, факторы внешней среды.

Среди различных аспектов жизни во внегородском пространстве значительное место занимают современные средства связи. Примечательно, что в процессе преобразования горожанами новой для них среды некоторые информанты реализуют практику информационного дауншифтинга, при котором происходит не только сознательный отказ от жизни в городе, но и минимизация использования современных средств связи, в том числе как источника получения информации.

Переход от территориально «закрытой» социальной организации в городе к «открытой» раскрывает качественно новые возможности коммуникации между людьми, в которой производятся новые локальные смыслы. Иными словами, инфокоммуникации отчасти уступают место прямому контакту между людьми и в этом смысле происходит раскрытие глубины и качества межличностного общения, не доступного в городе. Э. Гидденс определяет сходную ситуацию как «вырывание социальных отношений из локального контекста взаимодействия и их реконструкции, минуя пространство и время» (Giddens 1990), что приводит к принципиальной трансформации отношений между местом, где мы физически живем, и нашими культурными, социальными практиками, опытом и идентичностью.

Из каких же элементов состоят паттерны межличностной коммуникации и получения информации в случае дауншифтинга? Мы исходим из того, что современный технологический прогресс способствует минимизации границ личного и рабочего времени. Для современного человека важны самостоятельный характер занятости, мобильный образ жизни,

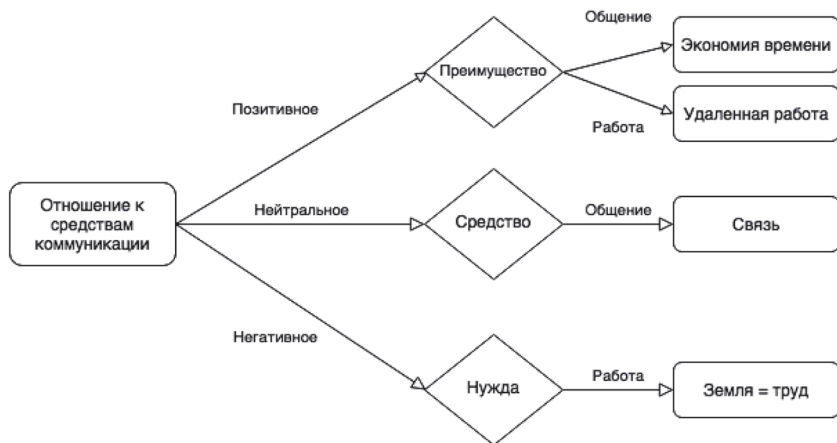

Рис. 1. Роль средств коммуникации в повседневных практиках дауншифтеров

возможность «социально отгородиться от города», вести дела «вне городской суеты», получение результата, соизмеримого вложенным силам, время с семьей. Более того, современный человек может воспринимать рабочее место и место жительства как транстерриториальное.

На рисунке 1 представлена типология, сформированная в ходе анализа интервью, в которой отражены разные роли современных средств коммуникаций в повседневных практиках дауншифтеров:

— **«Преимущество»** — отношение индивидов к техническим средствам коммуникации является скорее позитивным, сама возможность и опция взаимодействия с технологическими средствами воспринимается как естественная необходимость, используются индивидами регулярно как в рабочих, так и в досуговых и бытовых целях. Использование средств коммуникации носит неограниченный характер, не является нежелательным или вынужденным.

— **«Средство»** — индивиды воспринимают технические средства коммуникации нейтрально, коммуникационные технологии играют роль «социального ограждения» от внешнего мира, позволяют вести коммуникацию в необходимом дауншифтеру формате, являются средством и каналом взаимодействия с другими индивидами, используются только в тот момент и в том объеме, в каком необходимо самому дауншифтеру для рабочих или личных целей.

— **«Нужда»** — средства коммуникации воспринимаются негативно, их использование является исключительно вынужденной для поддержания

должного уровня жизни мерой: для продолжения работы и реализации проектов по заработку через интернет информанты пользуются устройствами ограниченно. Трудом считают работу на земле, стремятся разделять понятие заработка и труда.

Исследовательский интерес составляет вопрос: как среда определяет отношение переселенца к средствам коммуникации. В процессе преобразования горожанами новой для них внегородской среды некоторые индивиды реализуют практику информационного дауншифтинга, при котором происходит не только сознательный отказ от жизни в городе, но и минимизация использования современных средств связи, другие практикуют регулярное и ограниченное использования средств коммуникации, оснащают внегородские дома необходимой техникой и мебелью для удаленной работы. Устройство быта, формат работы и семья (ближайшее окружение) также оказывают влияние на отношение индивида к средствам коммуникации. Для иллюстрации типологии приведем высказывания информантов и прокомментируем их.

«Преимущество»: позитивное восприятие средств коммуникации

Информанты видят в проживании за пределами города новые возможности работы на дому одновременно с жизнью в свободном, мобильном и менее скованном, чем предлагает город, формате. При этом современные технологии становятся обязательным ежедневным атрибутом работы некоторых информантов, в том числе для связи с жителями соседних домов в поселении. Важна возможность свободного использования и свободной связи:

Без смартфона и компа — как без рук, это все мои основные рабочие инструменты. Поэтому и удастся так уехать подальше и без потери качества в работе (ж., 25 лет, фотограф).

Один из информантов — строитель, занимается постройкой купольных домов и координирует продажи строительной компании в интернете, параллельно занимается развитием творческих хобби. В интервью информант делает акцент на важности современных средств коммуникаций для связи людей из разных городов и стран, поэтому коллеги по радио имеют возможность быть вовлеченными в работу, находясь в Киеве и других городах:

Я являюсь руководителем строительной организации и, помимо строительства домов, руковожу работой радио. В свободное время изготавливаю гусли. Но радио и продажа купольных домов тесно связаны с работой в интернете (м., 44 года, предприниматель).

Среди информантов встречаются и те, чье отношение к средствам коммуникации определяется положительным опытом поиска и передачи информации, продажи на заказ через интернет:

Разные устройства используем для общения с друзьями и родственниками, для ведения блогов и групп, для поиска необходимой информации (в том числе по обустройству дома, ведению огорода, содержанию животных), для поиска заказчиков (я тку на заказ), для того чтобы быть в курсе мировых событий и политической обстановки, для развлечения — просмотр фильмов, мультфильмов, познавательных передач. В работе помогает (м., 48 лет, предприниматель).

Острая потребность в частичном отказе от очного контакта с коллегами по работе может быть удовлетворена заменой такого формата взаимодействия удаленной связью (через телефон или компьютер):

И сам социальный протокол очень серьезно изменился за последние годы, не говоря уже о десятилетии: наличие мобильных телефонов, электронной почты, интернет-ресурсов как систем распределенных библиотечных в Сети, наличие электронных проектов, документов по проекту... — это, конечно, просто другой мир. И в этом мире возможность коммуникации тет-а-тет становится не всегда необходимой, заменяется общением через сотовую связь (м., 48 лет, инженер).

«Средство»: нейтральное восприятие средств коммуникации

Среди информантов, которые проявляют нейтральное отношение к средствам коммуникации, распространено ограниченное использование технических средств — только в случае необходимости, связанной, например, с рабочим процессом. Так, индивиды организуют оснащенные техникой рабочие места или кабинеты для продолжения профессиональной деятельности:

Вот они все компьютеры, даром, что связь с интернетом только по ночам и приходится все-таки срочную почту получать-отправлять, читать статью немедленно или рецензию давать срочно. Но мы стараемся минимизировать, но не все получается. Приезжаешь сюда с планами что-то сделать: такую-то статью написать, такую-то книгу состряпать. Бывает иногда, особенно когда смурная, садимся и работаем по специальности (ж., 45 лет, исследователь).

У индивидов вырабатываются отличные от городских практики в сфере организации труда и досуга, восприятие интернета в контексте сельской жизни также отличается от того, как он воспринимается в городе. Поток информации теряет свою императивность и тотальность, для некоторых превращается в ручеек необходимой связи с внешним миром. Дауншиф-

тер начинает бороться с интернет-зависимостью, получает возможность осуществления редких для города практик, например «дойти до соседа, вместо звонка».

Просто если мы хотим поговорить с человеком, то мы просто ему звоним и говорим: «Ты сейчас что делаешь, я к тебе сейчас зайду?» Мы ведь все тут соседи, не так далеко живем и стараемся лично общаться (ж., 43 года, предприниматель).

«Нужда»: негативное восприятие средств коммуникации

Наблюдаем и противоположное отношение у ряда информантов, которые приняли полный отказ от использования, например, телевизора как источника информации или развлекательного ресурса, мотивируя такое ограничение несоответствием предлагаемого контента существующему запросу, а также сократили использование компьютера и мобильных телефонов до необходимого минимума:

Это мое личное мнение, оно может отличаться от мнения, восприятия моих соседей, но не так приятно целыми днями сидеть за компьютером, совсем не приятно, но я это делаю вынужденно. У меня есть ряд обязательств, связанных с моими направлениями деятельности, я их не могу и не хочу бросить, это мое детище (ж., 46 лет, предприниматель).

Важным для некоторых переселенцев также становится возможность воспитания детей на основе физического труда, который более «осязаем», чем работа «на компьютере»:

Хотелось жить на своей земле в экологически чистом месте рядом с лесом, иметь возможность есть натуральные продукты, работать своими руками на себя. <...> Работаем в основном на земле и через интернет (м., 32 года, предприниматель).

Отметим, что негативное отношение индивидов к благам технического прогресса наблюдается у жителей экопоселений — индивидов, желающих минимизировать причиняемый природе ущерб, а также у жителей родовых поместий:

Человек загружен этим шумом, этими вибрациями, человеку очень много вреда наносит связь, прежде всего, мобильная связь: там, где вышки, даже пчелы уходят, теряют ориентир, погибают, не могут собирать мед в такой среде, поэтому многие пасечники стараются максимально дальше от этих вышек находиться (м., 45 лет, строитель).

В контексте рассмотрения роли современных средств коммуникаций важны не столько сами технические устройства, сколько особый взгляд индивидов на специфику и контекст использования средств коммуникации.

В современном большом городе непрерывное плотное взаимодействие с людьми в процессе работы, на улице, по пути на работу и домой представляет собой непростую физическую и психологическую работу для индивида. Отказ от жизни в городе и состояния систематического насыщения информацией, социальными связями, контактами позволяет уходить от «колонизации» частных сфер жизни. Более того, покидая город, мигрант как вносит во внегородское пространство глобальные ценности и стили, так и развивает локальные смыслы, обретая и развивая тем самым многоуровневую идентичность.

В целом можно сказать, что инфокоммуникации предстают в своем амбивалентном виде. С одной стороны, они превращаются для многих дауншифтеров в орудие труда и средство материального поддержания своей жизни. С другой стороны, интернет оказывается носителем «горячих» СМИ (по Маклюэну), т.е. каналом проникновения в изолированное пространство дауншифтера внешнего городского мира, ради избавления от которого отчасти и было предпринято бегство.

Происходит поэтапное обновление системы «городских» ценностей, одна из которых — «владеть информацией», вместо этого приходит принятие сельских ритуалов и обновление стиля пользования социальными сетями, новостными блогами и пабликами. Более того, сельская местность формирует собственный информационный и смысловой контекст, отличный от основной повестки города, что также иллюстрирует процесс «очищения коммуникаций». В противостоянии по отношению к массовидности интернета союзниками дауншифтера выступают окружающая среда, природа, ландшафт, работа по хозяйству, становящиеся мощным антитезой «горячих» коммуникаций.

Заключение

Ускорение социальных взаимодействий и возрастающая мобильность ставят под сомнение безусловность привязки места работы и места жительства к определенной территории. Полевая работа помогла понять, как современные инфокоммуникации позволяют индивидам использовать новый вид мобильности — покидать городскую среду и продолжать работать по своей городской специальности в сельской местности, взаимодействуя с коллегами дистанционно, организовывая при этом новый формат быта вне города.

Отказ от ограниченной городского пространства, поиск свободных форматов коммуникации. Мы обращаемся к переходу от территориально «закрытой» социальной организации, атомизации общества к «открытой», при которой особое место занимает производство новых локальных

смыслов при качественно новых возможностях коммуникации между людьми, при этом дача или другой формат внегородской жизни становится иллюстрацией переноса индивидом только важных для него смыслов города, снимая навязанные городом информационные ограничения.

Ощущение свободы и комфорта. Поскольку доминирующим для дауншифтеров становится чувство свободы и безопасности, возможность вести дела вне городской суеты, информанты корректируют привычные для городской среды форматы организации быта и роль средств коммуникации в практиках повседневности.

Городской формат жизни замещает деревенский. Комплексное замещение ряда городских ценностей и практик на внегородской формат работы и досуга делает важными вопросы поддержания быта и атмосферы дачи/сельского дома, воздействия погодно-климатических условий, обеспечения личного комфорта, учета настроения соседей и близких. Сельская местность формирует собственный информационный и смысловой контекст, отличный от основной повестки города.

Средства коммуникации как ресурс для перевода быта «на удаление». Дауншифтинг как особая практика мобильности, с одной стороны, может стать катализатором трансформации идентичности современных представителей интеллектуальных профессий, с другой стороны, ставит перед индивидом задачу выработать механизмы адаптации к новым социокультурным условиям с учетом предыдущего опыта. Роль современных средств коммуникаций заключается в попытке создания индивидами новых смыслов во внегородском пространстве. Мы выделяем осознанный отказ информантов от использования горячих средств коммуникации (Маклюэн 2003) с целью минимизации внешнего информационного влияния, а также решение ограничить прямой социальный контакт с другими горожанами путем переезда во внегородское пространство.

Производство локальностей: симбиоз лучшего из города и деревни. Стремление представителей научной и творческой интеллигенции продолжить высокопрофессиональный труд во внегородской среде дополняется возможностью адаптироваться к природной среде, тем самым создавая новые возможности для производства локальностей. Информанты склонны к отказу от пропагандируемых общепринятых благ консьюмеристского общества, стремятся сформировать особую внегородскую рабочую и досуговую среду, насытить быт новыми, отличными от городских смыслами.

Невольно возникает убежденность в том, что город в его современном виде — это не навсегда, это лишь определенная стадия исторического развития человечества, за которой последуют и иные формы. На смену

городу могут прийти другие социальные форматы расселения и аккумуляции пространства, связанные с возникновением анклавов выходцев из мегаполисов. Причем речь идет не о конфликтной ситуации по принципу «либо-либо», а о мягкой перетекающей форме миграции, не связанной с насилием и вынужденным, эвакуационным переселением. Напротив, внегородская среда, по нашим наблюдениям за габитусом дауншифтеров, подсказывает, что этот процесс может происходить и часто происходит не как бегство, а достаточно эволюционно.

Выражение благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках гранта № 19-18-00562 «Социально-экологические детерминанты трансформации образа жизни и социального развития современных сельских сообществ в условиях депопуляции (на примере районов Ближнего Севера России)», реализуемого на базе РОО «Сообщество профессиональных социологов».

Литература

Богомолова Е.И. (2014) Личностная идентичность в условиях виртуализации бытия. *Человек. Сообщество. Управление*, 2: 104–120.

Бурдье П. (2001) *Практический смысл*. Пер. с фр., общ. ред. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии.

Войскунский А.Е., Евдокименко А.С., Федупина Н.Ю. (2013) Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 10(2): 98–121.

Вебер М. (2001) *История хозяйства*. М.: Канон-пресс.

Гурова О.Н., Толкачева А.Н. (2014) Критический подход к потреблению. *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*, 2: 4–8.

Звягинцев В., Неуважаева М. (2015) Переселенцы из города в сельскую местность: феномен «обратной» миграции в современной России. *Мир России*, 1: 101–135.

Зиммель Г. (2002) Большие города и духовная жизнь. *Логос*, 3.

Зиммель Г. (1996) Проблема социологии. *Западно-европейская социология XIX — начала XX веков: тексты*. М.: Издание Международного университета бизнеса и управления: 415–435.

Маклюэн Г.М. (2003) *Понимание медиа: внешние расширения человека*. М.: Жуковский: КАНОН-Пресс-Ц; Кучково поле.

Парсонс Т. (1998) *Система современных обществ*. М.: Аспект Пресс.

Покровский Н.Е. (2014) Ближний Север в контексте мировых трендов (вопросы теории). *Потенциал Ближнего Севера. Экономика, экология, сельские поселения*. Под ред. Н.Е. Покровского, Т.Г. Нефедовой. М.: Логос.

Покровский Н.Е. (2003) В зеркале глобализации. *Отечественные записки*, 1.

Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. (2016) Горизонтальная мобильность: урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества. *Горожане в деревне. Социологические исследования в российской глубинке: Дезурбанизация и сельско-городские сообщества*. Сост. и науч. ред. В.И. Ильин, Н.Е. Покровский. М.: Университетская книга: 33–56.

Покровский Н.Е., Николаева У.Г., Демидова Ю.А. (2019) Феноменология жизненного мира горожанина во внегородском пространстве Ближнего Севера: дом и доместикация. *Социологические исследования*, 12: 70–80.

Попов Д.С. (2016) Социально-исторический портрет российской интеллигенции. Вопросы истории и теории. *Горожане в деревне. Социологические исследования в российской глубинке: дезурбанизация и сельско-городские сообщества*. Сост. и науч. ред. В.И. Ильин, Н.Е. Покровский. М.: Университетская книга: 161–189.

Страусс А., Корбин Дж. (2001) *Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники*. Пер. с англ. и послесл. Т.С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС.

Спенсер Г. (1996) Основания социологии. *Западно-европейская социология XIX века: тексты*. М.: Издание Международного университета бизнеса и управления: 279–321.

Тённис Ф. (2002) *Общность и общество*. СПб: Владимир Даль.

Урри Дж. (2012) *Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Эриксон Э. (2006) *Идентичность: юность и кризис*. М.: Флинта.

Berger P.L., Luckmann T. (1966) *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*. Garden City, N.Y.: Anchor Books.

Berry B. (1976) The Counter-Urbanization Process: Urban America Since 1970. In: Berry B. (ed.) *Urbanization and Counter-Urbanization. Urban affairs annual review*, 11.

Bourdieu P. (1990) Structures, habitus, practices. In: Bourdieu P. *The logic of practice*. Stanford, CA: Stanford University Press.

Champion A. (1990) *Counterurbanization: The Changing Pace and Nature of Population Deconcentration*. L.: Edward Arnold.

Castells M. (2010) *The Rise of the Network Society: The Information Age: Economy, Society and Culture*. N.Y.: John Wiley & Sons.

Elgin D. (1981) *Voluntary simplicity: Toward a way of life that is outwardly simple, inwardly rich*. N.Y.: Harper-Collins.

Giddens A. (1990) *The consequences of modernity*. Cambridge: Polity.

Mitchell C. J., Bunting T. E., Piccioni M. (2004) Visual artists: counter-urbanites in the Canadian countryside? *Canadian Geographer/Le Géographe canadien*, 48(2): 152–167.

Ouye J.A. (2011) *Five Trends that Are Dramatically Changing Work and the Workplace*. Knoll Workplace Research [https://www.knoll.com/document/1352940439324/WP_FiveTrends.pdf] (дата обращения: 01.12.2020).

Park R., Burgess E. (eds.) (1925) *The City*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Pokrovsky N., Guseva U. (2012) Alternative to Urbanization. *livebetter Magazine*, 19(4): 7–23.

Sassen S. (2001) *The Global City: New York, London, Tokyo*. Princeton: Princeton University Press.

Sorokin P.A., Zimmerman C.C. (1929) *Principles of Rural-Urban Sociology*. N.Y.: Henry Holtand Company.

Thoreau H.D. (1854) *W. or Life in the Woods*. Boston: Ticknor and Fields.

van Dijk J. (1999) *The Network Society: Social Aspects of New Media*. L.: SAGE.

Weber M. (1978) *Economy and Society*. Vol. 1. Berkeley: University of California Press.

OUTSIDE THE CITY: THE ROLE OF COMMUNICATION MEDIA IN THE DAILY LIFE OF DOWNSHIFTERS

Alena Makshanchikova (amakshanchikova@hse.ru)

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Citation: Makshanchikova A. (2020) Za predelami goroda: rol' sredstv kommunikatsii v povsednevnosti daunshifterov [Outside the city: the role of communication media in the daily life of downshiffters]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 23(5): 155–177 (in Russian).
https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.5.6

Abstract. The article focuses on downshifting among the modern Russian intelligentsia as a type of spatial mobility associated with leaving cities and the general trend of deurbanization. The author examines the migration of intellectuals out of the city, the format and nature of mobile infocommunications in the everyday practices of the migrants. The emergence and development of internet communication greatly simplifies travel over long distances (within the country, to neighboring countries, to other continents). One of the varieties of this mobility is associated with relocation to out-of-city spaces and a slowdown in the pace of life — downshifting, accompanied by a fundamental simplification of consumer needs and, in general, a change in the lifestyle. At the same time, the life of downshiffters becomes closely associated with remote work, becoming a primary need to maintain an economic source of livelihood. The number of professions and specialties that allow working online is constantly growing. The attitude of

downshiffters to modern infocommunications in the context of life outside the urban environment is investigated and a typology of the role of modern means of communication in the everyday practices of downshiffters is proposed. The supporting empirical material was gathered during fieldwork in the Manturovsky District of the Kostroma Region (2015–2017) where 37 in-depth interviews were conducted with residents of small settlements, supplemented by 10 in-depth interviews with informants living in small settlements in other regions of Russia. In the historical and anthropological perspective the author highlights the process of “production” of new localities (A. Appadurai) — the transfer of the meanings of urban life to the out-of-city space and the emergence of a new life world.

Keywords: de-urbanization, mobile technologies, downshiffting, social transformation, production of locality.

Acknowledgement

This article is supported by a research grant from the Russian Science Foundation, project no. 19-18-00562.

References

- Berger P.L., Luckmann T. (1966) *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*. Garden City, N.Y.: Anchor Books.
- Berry B. (1976) The Counter-Urbanization Process: Urban America Since 1970. In: Berry B. (ed.) *Urbanization and Counter-Urbanization. Urban affairs annual review*, 11.
- Bogomolova E.I. (2014) Lichnostnaya identichnost' v usloviyah virtualizacii bytiya [Personal Identity At Virtualization Of Being]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 2: 104–120 (in Russian).
- Bourdieu P. (1990) Structures, habitus, practices. In: Bourdieu P. *The logic of practice*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Castells M. (2010) *The Rise of the Network Society: The Information Age: Economy, Society and Culture*. New York: John Wiley & Sons.
- Champion A. (1990) *Counterurbanization: The Changing Pace and Nature of Population Deconcentration*. London: Edward Arnold.
- Elgin D. (1981) *Voluntary simplicity: Toward a way of life that is outwardly simple, inwardly rich*. New York: Harper-Collins.
- Erikson E. (2006) *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: youth and crisis]. Moscow: Flinta (in Russian).
- Giddens A. (1990) *The consequences of modernity*. Cambridge: Polity.
- Gurova O.N., Tolkacheva A.N. (2014) Kriticheskij podkhod k potrebleniyu [A critical approach to consumption]. *Labirint. Zhurnal socialno-gumanitarnykh issledovaniy* [Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Research], 2: 4–8 (in Russian).
- McLuhan G. M. (2003) *Ponimaniye Media: Vneshniye rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: External Human Extensions]. Moscow; Zhukovskiy: KANON-Press-Ts; Kuchkovo Pole (in Russian).
- Mitchell C.J., Bunting T.E., Piccioni M. (2004) Visual artists: counter-urbanites in the Canadian countryside? *Canadian Geographer / Le Géographe canadien*, 48(2): 152–167.

Ouye J.A. (2011) *Five Trends that are Dramatically Changing Work and the Workplace*. Knoll Workplace Research [https://www.knoll.com/document/1352940439324/WP_FiveTrends.pdf] (accessed: 01.12.2020).

Park R., Burgess E. (eds.) (1925) *The City*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Parsons T. (1998) *Sistema sovremennykh obshchestv* [The system of modern societies]. Moscow: Aspekt Press (in Russian).

Pokrovskiy N.E. (2003) V zerkale globalizatsii [In the Mirror of Globalization]. *Otechestvennye zapiski* [Domestic notes], 1. (in Russian).

Pokrovskiy N.E. (2014) Blizhnij Sever v kontekste mirovykh trendov (voprosy teorii). [The Middle North in the context of global trends (theoretical questions)]. In: Pokrovskiy N.E., Nefedova T.G. (eds.) *Potencial Blizhnego Severa. Ekonomika, ekologiya, sel'skie poseleniya*. [The potential of the Near North. Economy, ecology, rural settlements]. Moscow: Logos (in Russian).

Pokrovskiy N.E., Nefedova T.G., Treyvish A.I. (2016) Gorizontalnaya mobil'nost': urbanizatsiya, dezurbanizatsii i sel'sko-gorodskie soobshchestva. [Horizontal mobility: urbanization, de-urbanization and rural-urban communities. Townspeople in the village. Sociological Research in the Russian Outback: De-urbanization and Rural-Urban Communities. Comp. and scientific.] In: Ilyin V.I., Pokrovskiy N.E. (eds.) *Gorozhane v derevne. Sotsiologicheskiye issledovaniya v rossiyskoy glubinke: Dezurbanizatsiya i sel'sko-gorodskkiye soobshchestva*. Moscow: Universitetskaya kniga [University book]: 33–56 (in Russian).

Pokrovskiy N.E., Nikolaeva U.G., Demidova Y.A. (2019) Fenomenologiya zhiznennogo mira gorozhanina vo vnegorodskom prostranstve Blizhnego Severa: dom i domestikatsiya. [Phenomenology of the life world of a city dweller in the extra-urban space of the Near North: home and domestication.] *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 12: 70–80 (in Russian).

Pokrovskiy N., Guseva U. (2012) Alternative to Urbanization. *livebetter Magazine*, 19(4): 7–23.

Popov D.S. (2016) *Social'no-istoricheskij portret rossijskoj intelligentsii. Voprosy istorii i teorii*. [Socio-historical portrait of the Russian intelligentsia.] In: Ilyin V.I., Pokrovskiy N.E. (eds.) *Gorozhane v derevne. Sotsiologicheskiye issledovaniya v rossiyskoy glubinke: Dezurbanizatsiya i sel'sko-gorodskkiye soobshchestva*. [Questions of history and theory. Townspeople in the village.] M.: Universitetskaya kniga: 161–189 (in Russian).

Sassen S. (2001) *The Global City: New York, London, Tokyo*. Princeton: Princeton University Press.

Simmel G. (1996) Problema sotsiologii. In: *Zapadno-evropejskaya sociologiya XIX — nachala XX vekov: Teksty*. Moscow: Izdaniye Mezhdunarodnogo Universiteta Biznesa i Upravleniya: 415–435 (in Russian).

Simmel G. (2002) Bol'shie goroda i dukhovnaya zhizn. *Logos*, 3 (in Russian).

Sorokin P.A., Zimmerman C.C. (1929) *Principles of Rural-Urban Sociology*. New York: Henry Holtand Company.

Spencer H. (1996) Osnovaniya sociologii. In: *Zapadno-evropejskaya sociologiya XIX veka: Teksty* [Foundations of Sociology. Western European sociology of the nineteenth century: Texts. M.: Izdaniye Mezhdunarodnogo Universiteta Biznesa i Uprav-

leniya [Edition of the International University of Business and Management]: 279–321 (in Russian).

Strauss A., Corbin J. (2001) *Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teoriya, procedury i tekhniki* [Fundamentals of Qualitative Research: Grounded Theory, Procedures and Techniques]. Moscow: Editorial URSS (in Russian).

Thoreau H. D. (1854) *W. or Life in the Woods*. Boston: Ticknor and Fields.

Tönnies F. (2002) *Obshchnost' i obshchestvo* [Community and Society]. St. Petersburg: Vladimir Dal' (in Russian).

Urry J. (2012) *Sociologiya za predelami obshchestv: vidy mobil'nosti dlya XXI stoletiya* [Sociology Beyond Societies: Types of Mobility for the 21st Centu]. Moscow: Izd. dom Vyshey shkoly ekonomiki (in Russian).

V Identity: youth and crisis an Dijk J. (1999) *The Network Society: Social Aspects of New Media*. London: SAGE.

Voyskunskiy A.E., Evdokimenko A.S., Fedunina N.Y. (2013) Setevaya i real'naya identichnost': Sravnitel'noe issledovanie [Networked and Real Identity: A Comparative Study]. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 10(2): 98–121 (in Russian).

Weber M. (1978) *Economy and Society* [Economy and Society]. Vol. 1. Berkeley: University of California Press.

Weber M. (2001) *Istoriya khozyaystva* [History of the economy]. Moscow: Kanon-Press (in Russian).

Zvyagincev V., Neuvazhaeva M. (2015) *Pereselency iz goroda v sel'skuyu mestnost': fenomen «obratnoj» migracii v sovremennoj Rossii* [Migrants from the city to the countryside: the phenomenon of “reverse” migration in modern Russia]. *Mir Rossii* [World of Russia], 1: 101–135 (in Russian).